

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК I

**БАРНАУЛ
2007**

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор культурологии Л.С. Марсадолов
доктор юридических наук В.В. Невинский
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик

М **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе:** сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. I. – 258 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности и эпоху средневековья. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN 978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии (проект №06-01-91809а/G, тема «Алтае-Саянская горная страна как экосистема кочевой цивилизации: история и современность»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

© Оформление Азбука, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Архаичные религиозные верования и обряды народов Евразии	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала.....	7
<i>П.К. Дашковский, Д.В. Культякова</i> Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху.....	24
<i>Ю.Б. Полидович</i> Скифский обряд очищения.....	44
<i>С.А. Яценко</i> О женщинах – «жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II вв. н. э.).....	58
<i>Э.Б. Вадецкая</i> Имитации мертвых для продления их жизни	66
<i>Г.Г. Король</i> «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии	81
II. Палеоастрономические аспекты изучения культовых памятников	100
<i>В.Е. Ларичев</i> Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии).....	100
<i>В.Е. Ларичев, С.А. Паришков, С.А. Прокопьева</i> Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук).....	121
<i>О.О. Полякова</i> Предполагаемая космогоническая концепция мирового порядка в тагарской культуре.....	135

<i>Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников</i> Палеоастрономические аспекты новых объектов святилища Ак-Баур.....	148
III. Современные этноконфессиональные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии	161
<i>Е.В. Нам</i> Шаманские атрибуты: символика и ритуальный смысл (сравнительный анализ сибирской и древнегреческой культур)	161
<i>Н.А. Тадина</i> «Живому хорошо гулять, мертвому лежать в камнях» (о дуализме традиционного мировоззрения алтайцев)	174
<i>В.А. Бурнаков</i> Традиционная похоронная обрядность у хакасов.....	183
<i>Ю.И. Ожередов</i> Угли и зола в мифологии и ритуалах сибирских татар	196
<i>М.М. Содномпилова</i> Доминантные символы бурятской традиционной культуры: дерево, лес	207
<i>Р.А. Кушнерик</i> О роли религиозного фактора в приграничных регионах (по материалам полевых исследований на территории Горного Алтая в 2004–2007 гг.).....	221
<i>С.С. Дашидондоков</i> Феномен достопочтенного Хамбо Ламы Этигэлова!	226
<i>Л. А. Бургарт</i> Религиозная жизнь католиков и положение католической церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. XX в. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского.....	232
Список сокращений	253
Сведения об авторах	254

II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии)*

Часть 1 – Космогония

Мир начался с началом Времени.

Пифагор

Вводные замечания. В пространном списке эффектных достижений творцов древних культур юга Западной Сибири нет более впечатляющего, чем успехи в осознании явлений, напрямую, кажется, не связанных с их обыденной (рутинно-бытовой) и производственной (хозяйственно-экономической) деятельностью. Речь идет о преднамеренных и четко целенаправленных усилиях жречества культур каменного века и эпохи палеометалла Северной Азии понять не только сущностный (сакральный) контекст места повседневного обитания сородичей, которое определяло устои их земного бытия, но также весь окружающий Мир и как нечто целое, и поделенное на обособленные структуры. Это было, в реальности, то «*Загадочно единое*» и, одновременно, «*Гармонично расчлененное*», что европейские мыслители ранней античности Восточного Средиземноморья (ионийская школа натурфилософов) называли *Природой* и описывали в своих мироведческих сочинениях. Они зачастую начинались с волнующих многозначительностью слов – «*О Природе*» (Лосев А.Ф., 1963; Рожанский И.Д., 1979; 1980; Идлис Г.М., 1985; Комлев Ю.А., Полякова Н.Л., 1988; Жмудь Л.Я., 1990; 1994; Житомирский С.В., 2001).**

В этой связи едва ли стоит сомневаться в том, что для человека на всем протяжении первобытной истории самым поражающим вообра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 02-06-80094) и программы фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук «Этнокультурные взаимодействия в Евразии».

** Список литературы будет представлен во второй части статьи в следующем выпуске сборника.

жение компонентом *Природы* было *Небо*, доступное лишь глазам да разуму людей. Оно озадачивало их бескрайностью («бездонностью») и «огнеподобными обитателями» – «блуждающими» и «неблуждающими» светилами. Размышления над *двуполярным миром, земном и небесном*, и крупницы познанного в том и другом, изначально, видимо, определяли основы интеллектуальной и духовно-нравственной жизни архаических обществ. Десятки тысячелетий творческой работы ума предка формировали основополагающие мировоззренческие постулаты, следствие мучительно медленного, растянутого на века, накопления знаний, позитивных, естественно-научного толка, и мифологических, в том числе иррациональных, метафизических, обусловленных, как в таких случаях принято говорить, – «заблуждениями неокрепшего разума». Обитатели «Гипербореи», севера Азии, настойчиво и долго (по меньшей мере, со времени начала верхнего палеолита!) *отыскивали ответы на мироведческой значительности вопросы – о происхождении Мироздания (космогония), об устройении его (космология), о силах, которые взаимодействуют в нем, обуславливая ход событий во Вселенной, о богах добрых и злых (теогония), о «конечности» или «бесконечной цикличности» существования Природы, о роли и предназначении в ней человека, животных и растений, о жизни, смерти, загробном «инобытии» и «возрождении» – возвращении к бытию земному* (Ларичев В.Е., 1993; 2007).

Реконструкция первобытных мирозерцательных, мирозидательных и мироустроительных установок – задача чрезвычайной сложности, а определяется то и другое отсутствием в регионе изысканий сибирских археологов письменных документов и безнадежностью отыскать их когда-либо в культурных горизонтах памятников соответствующего времени. Поэтому уверен, что столь фундаментально значительную тему историко-культурного поиска, полного понятных без комментариев головоломных трудностей восстановления результатов интеллектуальной деятельности человека в любой из ранних эпох, не стоит затрагивать всуе (т.е. *без подходящих на то необходимости и повода*), а именно – до появления, положим, должной информативности и новизны археологического источника, который позволил бы уклониться от пустопорожних разглагольствований на модную ныне космогоническую и космологическую тему, оглашая очередную вариацию из набившего оскомину набора банальных истин. Они многократно озвучивались ранее и отличались, большей частью, субъективным произволом высказываний по проблемам, в коих легкомысленные вольности недопустимы. Если я, однако, решился изложить сюжет, позволяющий раскрыть космогонию и перечисленное в подзаголовке

статьи, то причина тому весомая – *примечательные (неординарные) результаты астроархеологической направленности изучения сакрального характера памятников, открытых в районе Сундуков* (восточные предгорья Кузнецкого Алатау, долина р. Белый Июс, Северная Хакасия).

Они, результаты те, представляются ценными потому, что в них *просматриваются отсветы информации, запечатленной в письменных источниках* по космогонической и космологической мифологии, астрального толка религиозных системах и протонауке *индоевропейцев Евразии*, в зону расселения которых входили во II–I тыс. до н.э. Средняя Азия, юг Урала и Западная Сибирь, включая Минусинскую котловину верховьев Енисея. Все эти сведения нашли отражение на страницах священных книг индоарийского жречества Востока – «Авесты» и «Ригведы», а на Западе – в записях орфических гимнов и мифов Греции, а также в сочинениях гениальных основоположников милетской (малоазийской) школы натурфилософов, которые, как становится очевидным теперь, вели исследования по мироведению в тесном взаимодействии (*обмен идеями!*) с представителями интеллектуальных элит восточной ветви индоевропейцев – Персии, Средней Азии и, возможно, Индии (Новосадский М.И., 1900; Маковельский А.О., 1915; 1925; Тахо-Годи А.А., 1980; Веселовский И.Н., 1982; Акишев А.К., 1984; Лебедев А.В., 1989; Ван-дер-Варден Б., 1991; Небо, наука поэзия, 1992; Житомирский С.В., 2001; о проблемах истории античной астрономии см. Таннери П., 1902; Маковельский А.О., 1925; Идельсон Н.И., 1975; Бикерман Э., 1975; Ньютон Р., 1985; Арат (в кн. «Небо, наука, поэзия», 1992; Манилий М., 1993; Гигин, 1997; Птолемей К., 1998). А какие обстоятельства могут быть благоприятнее для междисциплинарных изысканий, когда возникает соблазнительная перспектива истолкования бессловесных археологических материалов посредством тонкой, почти без зазоров, «стыковки» их с изложенным в письменных источниках, достоверность коих безупречна?

Было бы, разумеется, странно не воспользоваться в полную силу столь ситуационно редким случаем.

Постановка проблемы. Программная цель поиска. Результатом трех десятилетий экспериментальных, *астроархеологической направленности* изысканий в долине Белого Июса от горы Кашкулак на юге до села Подлиственки и окрестностей Саратовского Сундука на севере стало открытие величественных, окруженных валами святилищ (прямых подобий индоиранских *вар, «ограждений обителей верховных богов»*), обширных могильных полей, астропунктов и астрономических обсерваторий (Ларичев В.Е., 1992а; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г.,

Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н., 2003; 2004; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., 2005). Эти памятники, датированные временем от средней поры верхнего палеолита (протохрам «Белая Лошадь»; Ларичев, 1994) до эпохи раннего средневековья (протохрам «Созвездие Малая Медведица»; Ларичев В.Е., 1992б) засвидетельствовали факты, для традиционной археологии шокирующие неожиданные, – регулярности отслеживания обитателями этого региона перемещений по небосводу Луны и Солнца на протяжении года и многолетий, четкой фиксации моментов равноденствия и солнцестояний, астрономических (*а не по компасу!*) точек Севера и Юга, явления на северо-восточном небосклоне звезды *Арктур (созвездие Волопаса) в особо знаменательный момент – перед восходом Солнца в утро суток наступления весеннего равноденствия* (Ларичев В.Е. и др., 2005), многолетних, саросной длительности периодов смещений по горизонту восходов и заходов полной Луны зимой (на севере) и летом (на юге) (Ларичев В.Е. и др., 2004) и т.п. Были открыты также солнечные часы (памятник готовится к публикации) и протохрам с числовым знаковым текстом, расшифровка которого позволила *реконструировать системы счисления времени по Луне и Солнцу в комбинации с длительностью синодического оборота Венеры* (Ларичев В.Е., 2004).

Очевидное внимание к Небу и светилам невозможно оценивать иначе, как показатель астрального характера религии тех, кто соорудил перечисленные памятники на склонах Сундуков и соседних с ними горных хребтов, обрамляющих сплошным кольцом сильно заболоченную в древности речную котловину окрестностей деревень Июс, Фыркал, Подлиственки и Соленоозерное. Это обстоятельство позволило, в конечном счете, выдвинуть гипотезу о том, что устроители их, обладатели высокого уровня астрономических знаний, включающих осведомленность о планете Венера и самой яркой из звезд Севера, Арктуре, аналоге по сакральной значимости Сириусу в культурах Египта и Двуречья, *возможно, моделировали Мироздание, подразделяя его на несколько четко обособленных структур*. Столь дерзкая идея нашла вначале подтверждение по ходу многолетнего изучения двух протохрамов с наскальными изображениями, обнаруженных на склонах Четвертого и Пятого Сундуков (Ларичев В.Е., 2002; 2003; Ларичев В.Е. и др., 2003). Как удалось установить, жрецы Сундуков II—I тыс. до н.э. подразделяли Вселенную *по вертикали* на миры *небесный, земной и Преисподнюю, а по горизонтали – на Нижний (преисподняя), Средний (земной, с тремя упомянутыми структурами) и Верхний (Небесный)*. Художественные композиции протохрама Четвертого Сундука, рассредоточенные по соответствующим отделам Мирозда-

ния, представляли собой эпосного характера многофигурные картины из жизни героя-богатыря на Земле, в Преисподней и на просторах Неба, обителях людей, разноликих богов и фантастического обличья духов. Протохрам захода Солнца в дни летнего солнцестояния, открытый на скальной вершине Пятого Сундука, отражал те же представления об устройении Мироздания (Ларичев В.Е. и др., 2005). Главную часть этого уникальной значимости памятника древней астрономии и астральной мифологии Северной Хакасии составлял обширный, преднамеренно оформленный грот («скальная астрономическая ниша») с изображениями рассеченных на части дракона с огромной головой, змеи и нескольких антропоморфных фигур, олицетворений высшего ранга божеств Нижнего мира, размещенного в недрах скалы. Внутри этого грота, в сущности, – в пределы каменной, скульптурно оформленной модели того самого «Нижнего мира», Преисподней, в течение трех дней летнего солнцестояния «проникало» дневное светило, заходя за скальную кромку западного горизонта, пограничья двух структур «Мира верхнего» – Неба и Земли. Оно, *продолжая движение вне видимости, за горизонтом*, погружалось внутрь скальной вершины Пятого Сундука, чтобы достигнув пространства грота, уничтожить (рассечь!) обитателей его, змей, воплощений сил Тьмы и Зла.

Но если все это так и было, то Мир, выходит, в самом деле, моделировался жрецами Сундуков со времени начала II тыс. до н.э. и потому закономерны вопросы:

как решалась (и решалась ли в действительности?) самая сложная из мировоззренческих проблем первобытности – какие обстоятельства и понуждающие к тому силы с неизбежностью предопределили, согласно соображениям интеллектуалов Сундуков, возникновение самого по себе Мироздания?; что было особо примечательно для начальных этапов становления этого природного феномена?; когда происходило его зарождение, а затем – структурирование в неупорядоченном гармониями Хаосе?

Для решения поставленных задач уточним установленное в предшествующие годы по части астральной космогонии, космологии и мифологии Сундуков, а сделаем это оптимально – посредством ввода в научный оборот исключительной значимости материалов, полученных в ходе многолетнего изучения периферийного, относительно Сундуков, протохрама Подлиственки. Исследование его в последние годы целенаправленно ориентировалось на установление характера религии устроителей сакрального памятника и связей их с духовно-интеллектуальными центрами жречества соседних с Алтае-Саянской горной страной культурными регионами – Западной Сибирью, Южным Уралом и

Средней Азией, а через них с областями отдаленными на тысячи километров – с Ближним Востоком (Иония и Месопотамия), а также с европейским Средиземноморьем.

Источник: скальный протохрам Подлиственки. Местоположение памятника и его структуры.. Этот классического вида культово-обрядовый объект, как и сходного назначения святилища Пятого, Четвертого и Первого Сундуков долины Белого Юуса, относится к тем редкостной категории сакральным памятникам юга Западной Сибири, наскальные изображения которых *поддаются целостному, связанному и последовательному, от композиции к композиции, «прочтению»* (расшифровке). Должный методический анализ размещенных в пределах протохрама рисунков позволяет превратить художественные композиции в подобия иллюстраций источников письменных, типа сакрального содержания книг священнослужителей, летописных хроник или документов архивных собраний, повествующих о библейского величия «ветхозаветных» событиях «времен О□на». Источник этот оказался, при ближайшем рассмотрении, столь информативно емким и многогранным, что эту часть статьи ограничу «прочтением» лишь части композиции одной плоскости, оставив расшифровку остального для последующих публикаций. Оправдывает такое решение обстоятельство существенное – *именно на ней запечатлены события, позволяющие приступить к изложению сюжета издания – презентации космогонии, астральной теогонии и мифологии тех, кто создавал протохрам Подлиственки* (предварительные публикации и оценки см. Ларичев В.Е., 2005; 2006; 2007; Ларичев В.Е., Белокобыльский Ю.Г., 2005; Ларичев В.Е., Паршиков С.А., 2006)*.

Многокомпонентное святилище приурочено к верхней, вертикально обрывистой кромке одного из участков невысокой песчаниковой гряды, со склонов которой в направлении на юго-юго-восток как на ладони виден Первый Сундук, а чуть южнее – почитаемая хакасами доньне, самая высокая гора округи Кашкулак, примечательная двумя столбчатыми колоннами – каменными останцами на вершине и глубокой многоярусной пещерой на северном склоне. Скальный, открытого

* Возможно, памятник этот осматривал в начале прошлого века А.В. Адрианов, который проводил разведки в долинах Черного и Белого Юуса, поблизости от Сундуков. Напоминают на то плохо сохранившиеся от столетней давности следы архаического метода копирования рисунков (обводка по контуру синеватым мелом нескольких фигур). Если так, то, наверное, он намеревался продолжить изучение изображений (как было принято тогда – эстампировать их), но по какой-то причине не сделал этого.

(а не пещерного) типа протохрам, центральное звено святилища, составляют 5 четко обособленных структур (рис. 1):

1 – *навес* (козырек, потолок), обширная, крылообразная по очертаниям, массивная, круто приподнятая плита, нижняя поверхность которой была, возможно, подтесана во избежание падения плиток песчаника на головы стоящих у привходовой части и внутри протохрама;

2 – *неглубокая, высокая, угловатая ниша*, внутреннее пространство протохрама, ограниченное двумя ровными, чуть наклонными вовнутрь, совмещенными под тупым углом плоскостями, покрытыми многочисленными, превосходной сохранности изображениями, выполненными, большей частью, выбивкой; на верхние грани этих плоскостей как раз и опирается основание крылообразного навеса, который прикрывает внутреннее пространство протохрама;

3 – *базовый отдел*, скальный блок высотой около полутора метров; на него опираются нижние грани плоскостей с рисунками;

4 – *узкая, с ровной поверхностью, подпрямоугольная в плане привходовая площадка*, от которой совершался проход (подъем) к плоскостям с рисунками;

5 – *алтарь, подпрямоугольная, горизонтально лежащая плита*; она располагается правее и ниже по уровню привходовой площадки; в прилегающей к дальнему концу плиты стенке коренного блока песчаника выделяется глубокая, подпрямоугольная, узкая, вертикально ориентированная ниша, место вылома алтарного камня, места свершения, видимо, неких культово-обрядовых манипуляций – жертвоприношений или, быть может, священнодействий, связанных с почитанием огня.

Разведочные поиски в окрестностях протохрама показали, что жрецы его регулярно отслеживали восходы и заходы Луны и Солнца. Свидетельствуют о том астропункты, обнаруженные вблизи святилища, выше по склону, на скальных гребнях той же песчаниковой гряды. К наиболее интересным из них относятся два квадратной формы, сухой кладки сооружения из плиток, одно из которых достигает высоты около полутора метров, а также одна тяжеловесная, вертикально установленная плита. Она определяла позицию жреца – астронома при наблюдениях восточного сектора горизонта, которые велись через структуры расположенного поблизости лимба (его составляет ряд вертикально вкопанных в землю малого размера плиток, ограниченный на концах глыбами песчаника).

Наскальные изображения протохрама. Главные персонажи композиций. Многофигурные панно, размещенные на двух плоскостях внутреннего отдела протохрама, представляют собой сложно организованный образно-знаковый текст. Среди изображений, связанных

с этим полным символическим художественным повествованием, преобладают зооморфные, антропоморфные и зооантропоморфные, а также загадочного вида фигуры. Они составляют группы или располагаются поодиночке. На левой плоскости преобладают хищные птицы (орлы большого и малого размеров), а также змеи, тела которых образуют концентрические круги. На правой плоскости персонажей больше. Восприятие их усложнено фантастическим (многообразным) обликом многих из них. Обращает на себя внимание увеличение количества антропоморфных фигур. Они – антиподы существ подчеркнута устрашающего вида.

Объявленную во вступлении тему публикации позволяют раскрыть образы композиции правого отдела левой плоскости протохрама. Главный персонаж ее – озадачивающего облика птицеобразное существо, которое позиционировано в центре (рис. 2). Точное наименование его затруднительно из-за синкретичного характера тела. Так, при поверхностном взгляде, может показаться, что *голова у него – хищной птицы*, орла, с легко распознаваемыми деталями – крупным, крючковато загнутым клювом, широко раскрытым, миндалевидных очертаний глазом со зрачком и широким хохолком, оконтуривающим верхний абрис головы. Но при ближайшем рассмотрении и соответствующей акцентации взгляда оказывается, что в реальности голова персоны *антропоморфная* и она, как таковая, связана с участком шеи орла. При таком варианте восприятия голова птицы превращается в *головной убор* антропоморфного существа. И тогда становится понятной многокомпонентная структура, налегающая на хохолок головы орла – 2 размещенных один над другим круга, к верхнему из которых прилегал изогнутая коромыслом дуга из 10 кругов. Все это – детали причудливого головного убора, *базовую часть которого как раз и представляет голова орла*.

Тело столь странного, увенчанного орлиной головой и 12-ю кругами персонажа – узкое, чуть искривленное (змеевидное?), *определенно не птичье*, о чем можно судить по отсутствию на нем признаков оперения и хвоста с веером расставленных перьев, обычного для изображений хищных птиц. Дугообразно изогнутые верхние конечности напоминают по очертаниям крылья готовой сесть птицы, но они узкие и, так же как тело, лишены ясных намеков на оперение. Но это и не руки антропоморфа, ибо они заметно искривлены, а на концах их, лишенных ладоней, размещаются всего лишь по 3 «пальца», близких по виду широко расставленным концевым перьям крыльев взлетающей птицы. Такое же впечатление производят нижние конечности – они не

птичьей, хотя оканчиваются скорее когтями, чем пальцами, но и не антропоморфные, поскольку у них отсутствуют ступни.

Суммируя изложенное, условно назову синкретичного обличья зооантропоморфа *орлом*, приняв за знаковую часть его фигуры голову этой птицы и сопутствующие ей круговых очертаний фигуры, как станет ясно далее, – особо важные для раскрытия семантики персонажа. В том есть смысл и при допуске, что *орел*, видимо, определял истоки его родословной, почему превратился позже в головной убор, своего рода маскарадную часть, визуальную почти не отделимую от тела. Поэтому центральный персонаж композиции именуется далее *Орлом*, с заглавной литерой написания этого слова.

Изображение *Орла* примечательно динамичностью, что отражает энергичное взаимодействие его с другими персонажами композиции. Он – основная движущая сила, определяющая ход событий, которые художник воплотил в сценично-сюжетного стиля картине. *Орел* представлен в ней в кульминационный момент развития событий – тяжело ступившим правой ногой на расположенный ниже яйцевидный, вытянуто-овальный по очертаниям, косо ориентированный длинной осью «объект». Левая нога зависла над ним чуть в стороне, правее, но ясно, что через мгновение и она тоже окажется наверху, вследствие чего *Орел* обретет прочную позиционную «опору», допустим, необходимую ему для свершения неких действий.

Чтобы разобраться в них, опишу вначале условно названное «опорой». «Объект» этот, как и фигура *Орла*, окажется, в действительности, не столь простым при внимательном, а не беглом рассмотрении его и, непременно, при разных углах освещения Солнцем. «Опорного» назначения фигуру составляют 2 неправильных очертаний круга – внешний и вписанный в него – внутренний. Круг внешний деформирован в верхней части, *приплюснут на всем протяжении ее* и слегка прогнут, что стало, надо полагать, последствием воздействием силы тяжести тела *Орла*, ступившего ногой на середину верхушки этого круга. То же обстоятельство объясняет *косую ориентацию* его, скобочность, примечательную и для внутреннего, меньшего размера круга. Но самая впечатляющая особенность «объекта» заключается в совершенно неожиданном – круги, определяющие внешние границы его и внутреннюю часть, не есть простые (в геометрическом смысле) линии, а *изображения двух свернувшихся кольцами змей, головы коих совмещаются с хвостами*. Обе «закольцованные» змеи, воспринимаемые как нечто целое, напоминают по внешнему виду яйцо, внешний контур которого, «скорлупу», определяет большего размера змея, а внутреннее содержимое, «белок» и «желток», разделяет змея меньшего

размера. Яйцо, структурированное телами змей, необычно для мира профанного (обыденного), но привычно для мира мифологического. Потому оно именуется далее *Яйцом*, с заглавной литерой написания этого слова.

Обретение *Орлом* «опоры» может истолковываться двояко – и как эпизод *противоборства с извечными врагами своими – змеями* (он не просто ступает ногой на одну из них, а придавливает ее всей тяжестью тела, готовясь уничтожить – поднять в воздух или разорвать когтями), и как *подготовку места надежного (устойчивого) позиционирования перед началом трудоемкого дела.* Быть может, однако, то и другое вместе, но второй вариант понимания *Яйца*, требующий соответствующей оценки его, в полной мере соответствует разъяснению взаимоотношений *Орла* с размещенными слева и справа от крыльев его головы рогатого животного – козерога и взлетающей птицы с высоко поднятыми, широко расставленными крыльями и резко повернутой влево (в сторону *Орла*) головой (рис. 3–4).

Детали изображенного в средней зоне композиции, максимально сближенной с осененными крыльями телом *Орла*, позволяет понять – для чего ему понадобилась опора в виде *Яйца*, на вершину которого он вознамерился ступить и сделал первый шаг к тому. Отходящие от концов крыльев короткая полоса, перекрывающая оконечность морды козерога, и длинная, туго, подобно струне, натянутая нить, привязанная к ноге взлетающей птицы объясняют происходящее: *Орлу* приходится, напрягаясь, удерживать вблизи себя и мирное копытное животное гор, и яростно устремленную в Небо хищную птицу (рис. 3–4). Для уверенного позиционирования их в должном месте пространства оказалось недостаточным «заарканить» того и другого и спокойно держать на привязи. Видимо, сопротивление насильственно «приблизженных» персон продолжалось и для окончательного преодоления его *Орлу* понадобилась прочная опора для ног, которые увеличивали силу удержания и обеспечивали устойчивость в борениях с избранными для усмирения.

Методические установки исследования. Интерпретация главных персонажей композиции и структурированных змеями «объекта», а также в целом отраженного в ней сюжета возможна при следовании одному из двух вариантов – исходить из анализа информации, которая содержится в самих образах, или посредством подбора подходящих этнографо-мифологических аналогий и привлечения должных письменных источников, если таковые наличествуют. Использование первого варианта предпочтительнее и он окажется плодотворным, если в основу его положить методическую установку Пифагора *о великой*

значимости числа для разъяснения сущностного контекста любой вещи и явления:

«Все существующее уподобляется числу»;

«Все происходит из числа и объясняется посредством числа».

Так оно и есть, ибо ничто, помимо числовой составляющей, не предопределяет в гуманитарии точность семантических реконструкций. Если же археолог-рефлексатор возразит, что не все в древнем искусстве содержит чисто цифровую константу, то пифагорейский канон дополню великим интерпретационным постулатом Галилео Галилея, которому он неизменно следовал при изучении *Природы*:

«Измеряй все доступное измерению и делай недоступное измерению – доступным».

Что касается второго, излюбленного в традиционном археологическом искусствоведении метода отыскания и подбора подходящих аналогий, то его следует использовать в качестве вспомогательного и только в должное время – *на завершающем этапе исследований, когда окажутся исчерпанными числовые, а также геометрического разряда приемы толкований.*

Интерпретационный поиск и семантические реконструкции.

Руководствуясь изложенным, приступлю сначала к раскрытию семантики *Орла*, стержневого персонажа композиции. Самое поражающее в нем – головной убор, по сказочности вида в определенной мере близкий конструктивно сложным головным убором астральных богов древнего Египта и жрецов майя Нового Света. Он, этот головной убор, как раз и содержит фундаментально значимую для «прочтения» образа числовую константу – $2 + 10 = 12$ *округлых фигур, расположенных над головой птицы* (рис. 5). В столь однообразного вида «тексте» высоко значим, конечно же, каждый круг, общепризнанный символ понятия «Светило», а также порождаемого им понятия «Время». В этой связи обращает на себя внимание, что непосредственно с головой Орла связаны 2 размещенных друг над другом круга. Внутренне пространство нижнего из них лишено каких-либо деталей, а у второго оно заполнено рассеянным скоплением мелких лунок выбивки. Это характерное отличие позволяет высказать предположение, что первый круг символизирует *Солнце*, а выше расположенный – *Луну*, лик коей примечателен испещренностью темными пятнами, легко воспринимаемых невооруженным оптикой глазом.

Плавно изогнутая, *горизонтально позиционированная дуга из 10 кругов совмещается в срединной части ее с двумя позиционированными по вертикали кругами.* Число 10 – высокозначимое в древней нумерологии. Из обширного перечня сакральной информативности его

упомяну сначала лишь аспекты, напрямую связанные с *временной значимостью* – именно такое количество лунных месяцев *составляла, согласно историческим преданиям, длительность* года у индоевропейцев легендарной древности, а обуславливало то *продолжительность цикла беременности женщины, периода соблюдения траура по умершему супругу, и правило поминовения предков потомками в конце каждого из подобных, сакрально «укороченных» на 2 месяца годов* (подробности см. Ларичев В.Е., 2001). Позже, будто бы в результате календарных реформ, продолжительность года была увеличена до 12 месяцев. Поскольку именно такое количество кругов венчают голову *Орла*, то допустима интерпретация их как *символов месячных периодов, составляющих истинную продолжительность годового цикла*..

Но число 12 воплощало в календарной информатике и другие, куда более протяженные временные циклы, осведомленность о которых восходит на западе и в центре Евразии, по меньшей мере, к рубежу II-I тыс. до н.э. Такое количество лет продолжалось смещение по 12 *зодиакальным созвездиям Юпитера*, высокопочитаемой на Ближнем и Среднем Востоке планеты, астрального воплощения величайшего ранга *мужского божества*. Пятикратный сидерический проход его по *Зодиаку* рассматривался жречеством в рамках *60-летнего солнечного цикла*. И, наконец, самая глубинная значимость числа 12 *определяется в индоарийской мифологической календаристике концепцией мироведческой – длительности существования Мироздания*. Тут, не вдаваясь в подробности, замечу лишь – именно такое количество *тысячелетий* должна воссуществовать Вселенная, созданная волею *Бога конечного времени*, материализованная, видимая и гармонизированная им. Она, вследствие ряда оплошностей Творца, перечисленных в мифологических сказаниях зороастрийского (зурванистского) толка, стала ареной непрерывных противоборств сил Тьмы и Зла с силами Света и Добра (подробности см. Ларичев В.Е., 2003).

Числовая составляющая *Орла* не ограничивалась, вероятно, лишь количеством элементов головного убора. Поэтому продолжу интерпретации в том же ключе, для чего «уподоблю числу» («сделаю подпадающимся измерению») саму фигуру птицы со всеми ее подразделениями, которые «уподобляются» тому. За таковые приму каждую часть тела (голова, 2 крыла, 2 ноги; всего – 5 структур) и пальцевидные выступы на концах крыльев и ног (по 3 на каждой из конечностей; всего – 12). Число 12 отражало в данном случае, с наибольшей вероятностью, систему подразделения года на 4 «сезона» по 3 месяца в каждом. Суммирование же 12 с частями тела (5) и кругами головного убора (12) выводило на знаменательное в календаристике число $12 + 5 +$

12 = 29, близкое продолжительности синодического месяца (29 ≈ 29,5306 сут.). Этот период составлял базовую основу лунного года, длительность которого определяли 12 таких месяцев (29,5306 сут. Ч 12 = 354,367 сут. ≈ 354).

Итак, «уподобление числу» всего связанного с изображением *Орла* раскрыло его *внеземную, космическую сущность*, с четко выраженной *временно-й компонентой*, продолжительность которой охватывала разной протяженности циклы – лунный месяц, трехмесячный сезон, год и 12 тысячелетий. Такое заключение открывает путь к интерпретации образов *Козерога* и *Взлетающей птицы*, составляющих с *Орлом* единую композицию. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Оно позволяет предположить, что и *они в сути своей тоже животные космической и временно-й природы*. Если так, то остается решить – какой именно была она, та природа, какое событие отражала сцена удержания *Орлом* того и другого персонажа, кого олицетворял сам «восходящий на *Яйцо*» и, наконец, как следует интерпретировать его «опору» из кольцами свернувшихся змей?

Ключ к «прочтению» всей композиции предоставляет весьма характерных очертаний фигура *Взлетающей птицы*, которая располагается рядом с *левым* крылом *Орла* (см. рис. 4).. Она напоминает по контуру созвездие *Рака* – высоко поднятые крылья подобны широко расставленным, округлых очертаний клешнями. Это созвездие определяло в конце II – начале I тыс. до н.э. знаменательный момент года – *начало астрономического лета*, солнцестояние и солнцеворот, когда дневное светило, достигнув *наивысшей позиции в северной сфере Вселенной*, начинало затем «пятиться назад», подобно раку, восходя и заходя на горизонте все южнее и южнее.

Прямо противоположные календарно-астрономические события происходили через полгода, когда Солнце оказывалось на «дне Мира», достигнув *в разгар зимы самой нижней позиции в южной сфере Вселенной*. То было время начала *астрономической зимы*, солнцестояния и солнцеворота, а затем и начала смещения восходов и заходов дневного светила все севернее и севернее. Эти явления наступали тогда, когда Солнце входило в *прямо противоположное Раку созвездие эклиптики – Козерога*. Поскольку голова именно этого животного, которое *зимой мигрировало с вершин гор вниз, в долины*, изображено рядом с *противоположным, правым* крылом *Орла*, то не остается сомнений в олицетворении им пространственно противоположного Раку *созвездия – Козерога*, которое и на Ближнем Востоке воспринималось в образе того же копытного животного (см. рис. 3).

Если так, то какое светило или созвездие (а быть может, то и другое вместе) мог воплощать сам Орел? Ответ таков: с наибольшей вероятностью, или Солнце, или скопление звезд в окружении ярчайшей звезды зенита небесного купола – Веги (в этой россыпи звезд древние усматривали очертания фигуры орла), или скопление звезд, которое древние воспринимали фигурой летящего лебедя, связывая с ним перевоплощенного в птицу Зевса. Солнце, воплощение высшего божества, в том числе того же Зевса, располагается в пространстве между созвездиями Рака и Козерога (оно определяет центр эклиптикального круга). Оба упомянутые созвездия, расположенные рядом, позиционируются вблизи зенита и, следовательно, тоже размещаются в пространстве между эклиптикальными созвездиями Рака и Козерога.

Такое толкование трех персонажей композиции, привносящее в реконструкцию, помимо *временного*, аспект столь же фундаментально важный – *пространственный*, следует дополнить *космогонической компонентой*. Захват и удержание на «привязях» Козерога и *Взлетающей птицы* отражает эпизод первоначала сотворения Орлом Мироздания из хаотически рассредоточенных элементов. Значит, «упорядочение» Вселенной началось с «обуздания» («укрощения») двух существ, живых воплощений скоплений звезд, с определения им местоположения на эклиптике, пути движения «блуждающих» в пределах Неба Луны, Солнца и планет. Размещенные вблизи этой тройственной композиции иные фигуры (дракон, две птицы и несколько образно неопределенных существ) относятся, возможно, к тем же зодиакальной значимости элементам. Им, видимо, еще предстояло подчиниться неотвратимому процессу «упорядочения Мира» – занять, в согласии с волей всемогущего Орла, предназначенные для них позиции на той же космической дорожке – в полосе пространства, именуемого ныне поясом зодиакальных созвездий.

В завершение семантических «прочтений» остается раскрыть значимость нижней части композиции, «опоры» Орла, косо ориентированной фигуры. Цифровая составляющая, 2 змеи, которые определяют ее структуры, верхний и внутренний обводы, затруднительна для истолкований вследствие обилия символики, связанной с образами пресмыкающихся («Время», элементы «Начал» – Земля и Вода; «Нижний (потусторонний, противоположный Земле и Небу) мир» и т.д.). Поэтому прибегну к *измерению геометрическому* с целью установления угла наклона «опоры». Замеры с использованием достаточно точного инструментария дали результат знаменательный – $\approx 24^\circ$, что близко углу

наклона плоскости эклиптики к плоскости небесного экватора* . Если это не случайность, то «опору» следует воспринимать изображением Земли, близкой представлениям о ней Анаксимандра, «первого философа Природы» (уподобление очертаний ее основанию колонны с плоским верхом и закругленными (?) краями; висящей в пространстве без опоры; отстоящей на равном расстоянии от любой из точек космического пространства).

Ограничусь пока такой, предварительного характера оценкой, но возвращусь к интригующей проблеме значимости «опоры» Орла во второй части статьи, посвященной композициям левого отдела той же плоскости. Тому будет подходящий повод при реконструкции космологии создателей протохрама Подлиственки.

В заключение рискну высказать гипотезу о возможной геометрической (а с нею и календарно-астрономической, числовой) значимости дуги из 10 кругов, если каждый из них принять за символ Солнца (см. рис. 5). К этой идее подтолкнуло одно из весьма эффектных достижений античных геометров и наблюдателей Неба I тыс. до н.э. (Фалес Милетский – 624–547 гг. до н.э.) – расчет количества дисков дневного светила, которое можно разместить в эклиптикальном круге, годовом пути его в межзвездном пространстве. Установленное Фалесом число, 720, свидетельствует о том, что диаметр диска Солнца он принимал за величину, близкую в современных мерах $0,5^\circ$ ($720 \cdot 0,5^\circ = 360^\circ$). Если допустить, что о том же самом были осведомлены жрецы-астрономы Сундуков, то 10 «солнц» дуги головного убора Орла представляли $\frac{1}{72}$ часть круга, т.е. 5° . Это число следует, в таком случае, воспринимать канонической мерой разделения эклиптики – протяженности смещения Солнца в пространстве за декаду, т.е. за 10 дней.

Такое восприятие дуги может быть понято косвенным свидетельством использования жрецами протохрама Подлиственки годового календаря, длительность которого принималась равной 360 суток (три декады составляли в нем месяц (30 суток), а таких месяцев было 12; если же месяц составляли 2 декады или одна, то их было, соответственно, 18 и 36. Так, для примера, отслеживали время в Древнем Египте, а подобный год назывался жрецами страны Хапи «годом бога времени Тота», «жреческим», «хозяйственным», «майским», лунно-солнечным, ибо цикл этот представлял собой усредненную величину продолжительности года солнечного и лунного:

$$(365,242 \text{ сут.} + 354,367 \text{ сут.}) : 2 = 359,8045 \approx 360 \text{ сут.}$$

* Эта величина была известна античным натурфилософам, в том числе пифагорейцам.

Разделение года на десятирицы – одну (10 сут.), две (20 сут.) или три (30 сут., что близко длительности лунного месяца, $\approx 29,5306$ сут.) позволяло выделять в поясе эклиптики, соответственно, 36, 18 и 12 созвездий, что было удобно для решения специфических задач, астрономических (*затмения!*) и календарных.

Краткие итоги исследования. Отражение интерпретаций в сюжетах индоевропейской мифологии и космогонии. Результаты поиска позволяют уверенно констатировать плодотворность семантических изысканий, базовую основу которых составляют методические и методологические установки пифагореистов и Галилео Галилея о *великой значимости измерений и числа в познании неведомого*. Как можно было убедиться по ходу изложения, строгое следование их постулатам позволило выйти, наконец, из заколдованного круга повторения многократно изреченных (но, большей частью, бездоказательных) интерпретаций образов и знаков так называемого «первобытного художественного творчества».

Сказанное в особенности наглядно проявилось при семантических оценках синкретичного образа *Орла* – главного персонажа композиции. Объяснение тому простое: он всецело *числовой*, а в *числах* тех, как выяснилось, запечатлены исключительной ценности информация по *календаристике и астрономии*. Первое отразило его *временную* сущность, а второе – *пространственную*, связанную с местоположением птицеобразного существа, а также тесно связанных с ним *Козерога* и *Взлетающей птицы* со сферой Неба, соответственно, или с Солнцем, или с одним из созвездий *зенита* (Орел? Лебедь?) и *противолежащими* тому и другому созвездиями *пояса эклиптики*, в которые дневное светило входило в базовой значимости моменты года (начало астрономической *зимы* – *Козерог* и *лета* – *Птица*). В позиционировании их, а также удержании на должном месте ярко проявляется третья сущность *Орла* – *космолога, сотворителя Мира и гармоничного упорядочения его структур*.

Все три *сущности* центральной фигуры композиции выдают в нем персону неординарную, а *космическую* и, следовательно, *божественного ранга*. Вот тут-то наступает самый подходящий момент определиться в главном – *а кого именно олицетворял Орел?* В индоарийской теогонии и космогонии такой важности персоной мог быть только *Зурван*, воплощение основополагающих элементов Мира – *Времени и Пространства* и *устроителя Вселенной*, воспринимаемой глазами человека, т.е. *материализованной*. Последняя деталь позволяет уточнить – какой из двух воплощений *Времени и Пространства* зурванистской космогонии (думаю, – *предшественнице космогонии зоро-*

астрийской) представлен в образе Орла протохрама Подлиственки – Зурван акарна (абсолютные (бесконечные и вечные) *Время и Пространство* – аналог *Хроноса агероса апейроса греков*) или Зурван даргахвадата (*Время и пространство* конечной в существовании Вселенной)?

Ответ напрашивается однозначный – конечно же, Зурван даргахвадата, ибо Орел Подлиственки в его числовой составляющей представляет время «профанное», ограниченное всего лишь 12 тысячелетиями. В таком случае, он есть персонаж второго ранга в теогоническом собрании богов зурванистов. В западном регионе расселения индоевропейцев ему в наибольшей степени соответствует Фанес (Протогон) орфиков Греции, а на севере Индии – Праджapati («Господин творения»). Все это заслуживает специальных разъяснений, невозможных здесь из-за ограниченности допустимого объема публикации. По той же причине я не могу детально презентовать композицию, представляющую, по моему мнению, одновременно и Зурвана акарна, стоящего на Яйце, и Зурвана даргахвадата, размещенного внутри очерченного двумя змеями Яйца (рис. 6). К этим захватывающе интересным сюжетам я вернусь во второй части статьи, которая будет посвящена космологии жречества храма Подлиственки. А пока, завершая подведение итогов «прочтения» одного из художественных текстов святилища, уместно будет в очередной раз подтвердить истинность глубокой по смыслу идеи великого Пифагора – «Мир начался с началом Времени».

Воистину так, поскольку творил его бог Времени индоариев Зурван даргахвадата!

Рис. 1. Протохрам Подлиственки. Общий вид памятника

Рис. 2. Орел, ступающий на Яйцо. Слева от него – голова *Козерога*, а справа – *Взлетающая птица*.

Рис. 3. Голова *Козерога* – символ эклиптикального созвездия, определяющего начало астрономической *зимы* (последняя декада декабря)

Рис. 4. *Взлетающая птица* – символ эклиптикального созвездия, определяющего начало астрономического *лета* (последняя декада июня)

Рис. 5. Головной убор центрального персонажа композиции: голова орла, два круга, символизирующих Солнце и Луну, и дуга из 10 кругов (схематичная (без детализаций) копия)

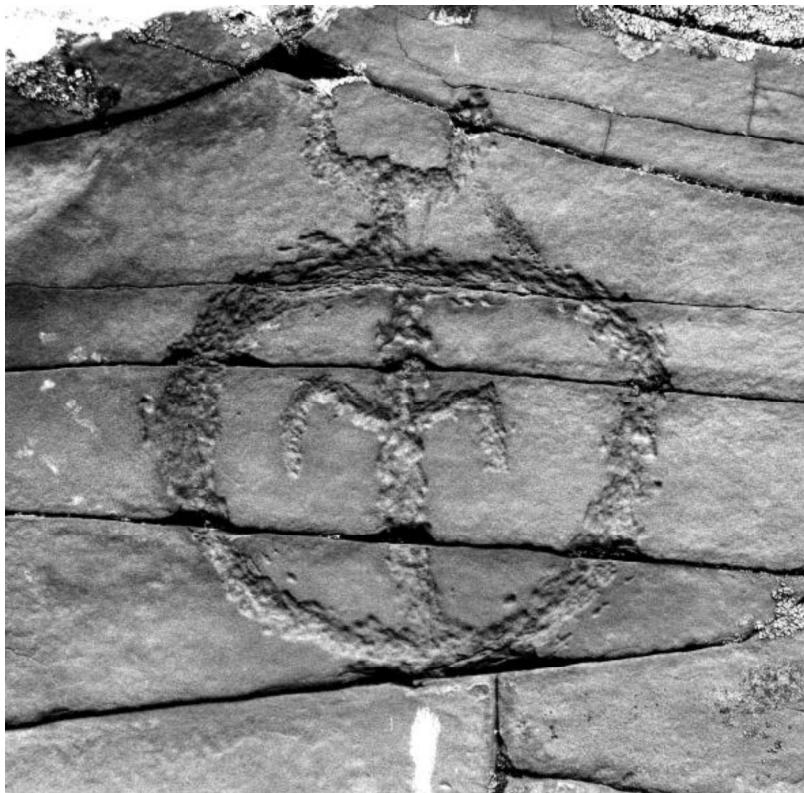

Рис. 6. Орел с поднятыми крыльями, стоящий на Яйце, – возможно, образ высшего ранга божества *Зурвана акарна*; Орел с опущенными крыльями *внутри Яйца* – образ *Зурвана даргахвадата*, главного персонажа протохрама Подлиственки. Наскальная композиция святилища окрестностей Саратовского Сундука.